

АЛЕКСАНДР ДУБИНЬСКИ

**Формы так называемого инфинитива тюркских языков
в сравнении с некоторыми языками других типов**

Предлагаемая вниманию читателей тема, посвященная вопросам инфинитива, может рассматриваться как общеязыковое явление. В связи с этим, как нам кажется, затронутая проблематика заслуживает на ее освещение также в сравнительном плане.

Общим признаком инфинитива во многих языках является его тесная связь с отглагольными именами, а точнее с именами действия (*nomina actionis*). Связь эта проявляется как в семантической, так и в стилистической плоскости. Обратимся за примерами к некоторым индоевропейским языкам. Как близки друг к другу категории инфинитива и имени действия, можно легко убедиться на следующих примерах. Нем. *kommen* “приходить, прибывать” и *das Kommen* “приход, прибытие”. Франц. *manger* “кушать” и *boire* “пить,” а выражение *les règles du manger et du boire* значит “правила кушания и питья”. Формальная разница между приведенными здесь инфинитивами и именами действия заключается в употреблении артикля. Как легко могут быть взаимно подменены формы инфинитива и имени действия из-за соображений стилистического характера видно на примере перевода латинского изречения *errare humanum est*, что можно перевести “человеку свойственно ошибаться” или же “человеку свойственно заблуждение, ошибка”. Конечно, это возможно благодаря прежде всего семантической близости обеих категорий.

Так как имеем здесь дело в большинстве случаев с отглагольными именами, проблемы инфинитива носят весьма существенный теоретический характер, связанный с теорией частей речи. Дело в том, что отглагольные имена, которым присущи с одной стороны признаки глагола, а с другой — имени, затрудняют проведение четкой грани между категорией имени и глагола.

Наряду с теоретической есть также практическая сторона вопроса. Она сводится к следующему: что считать основной формой глагола при записи в словарных статьях. Этот вопрос вызывал например споры уже в известных в средние века двух направлениях арабской филологии, сосредоточенных в городах Куфа и Басра. Под-

робнее об этом находим в труде посвященном вопросам инфинитива в семитских языках. Автор этого труда, Дж. М. Соля-Солé, так пишет: "Suivant les grammairiens de Kûfa, c'est le verbe au prétérit qui la racine étymologique. Les grammairiens de Basra veulent, au contraire, que ce soit le masdar"¹. Как известно, победителями в этом споре оказались грамматисты из Куфы, так как сегодня основной формой глагола в арабских словарях является 3 лисо ед. ч. прошедшего времени.

Формы инфинитива в индоевропейских языках, в том числе и в славянских, характеризуются неоднократно наличием особых морфологических показателей в каждом языке в отдельности. Здесь они приобретают, как правило, характер неопределенности и рассматриваются как безличные и вневременные.

В дальнейшем остановимся более подробно на основных чертах отглагольных имен в тюркских языках, связанных в большей или меньшей степени с понятием инфинитива. Прежде всего следует указать, что в тюркских языках не находим единого морфологического показателя, выступающего в качестве инфинитива. Поэтому не случайно в общетюркских словарях (а иногда и в других) глаголы приводятся в форме повелительного наклонения 2 лица ед.ч., которое считается этимологической основой глагола. Здесь можно сослаться на записи глагольных форм в таких словарях, как например *Опыт словаря тюркских наречий* В. В. Радлова, *Древнетюркский словарь* или же *Караимско-русско-польский словарь*.

Главный признак, объединяющий все тюркские формы инфинитива, это присущий им характер отглагольных имен со значением и м е н и д е й с т в и я. Следуя в арабской терминологии интересующие нас грамматические формы, видно, что они получают иногда название м а с д а р о в. В словарях современных тюркских языков неопределенные формы тюркских глаголов передаются посредством разных морфем, считающихся самыми близкими к понятию инфинитива переводного языка.

Наблюдения автора над формами тюркского инфинитива, основываясь преимущественно на языковом материале тюркской письменности (приблизительно до XV в.), а иногда также на примерах современных языков, позволяют провести основную характеристику изучаемых морфем. Материалы, почерпнуты из живых, современных языков, относятся в основном к более значительным двум группам: огузской и кыпчакской.

Форма на -уи

Из более древних продуктивных аффиксов засвидетельствованных в литературных памятниках раннего периода, среди которых следует указать прежде всего на *Türkische Turfan-Text*, *Qutadgu Bilig*, *Husrav u Širin* можно назвать форму на -уи.

¹ J. M. Solá-Solé, *L'infinitif sémitique. Contribution à l'étude des formes et des fonctions des noms d'action et des infinitifs sémitiques*, Paris 1961, стр. 194.

Она может выступать: присоединяясь к основе глагола, самостоятельно (безаффиксно), а также может соединяться с дальнейшими аффиксами, отдельными словами и послелогоми. Рассматриваемая форма чаще всего выступает в атрибутивной и предикативной функциях. Выступая в качестве определения получает часто значение близкое причастию, неоднократно с оттенком будущего времени. Выступая в предикативной функции, чаще всего проявляет значение долженствования, а иногда цели,

Форма на *-уи* может также выступать в изафетной конструкции со значением цели.

Рассматриваемая форма принимает аффиксы словообразования свойственные номинальным категориям. В дательном падеже еще более ярко сказывается значение цели. В местном падеже проявляется временное значение, функционируя преимущественно как развернутое обстоятельство времени.

В связи с употреблением с послелогом *ййин* усиливается значение цели, а с послелогом *тег* проявляется сравнительное значение.

Можно указать на довольно частое употребление этой формы со словом *kerek*, что усиливает долженствовательное значение.

Отрицательная форма проявляется путем присоединения к основе глагола частицы отрицания *-та*, *-те*.

В приведенных случаях представленная форма становится больше всего близкой к инфинитиву.

Форма на *-уи* не нашла широкого употребления в современных языках, где она обнаруживается прежде всего в окостенелых словах или же употребляется из-за соображений стилистического характера.

Форма на *-так*

Эта форма выступает как более близкая к инфинитиву прежде всего в *огузской* группе. По значению она называет действие в его отвлеченном понятии.

Форма на *-так* подобно предыдущей может употребляться самостоятельно и соединяться с дальнейшими морфологическими и лексическими единицами.

Излагаемая форма выступает также как часть сложного глагола, а также в удвоенной конструкции плеонастического характера (так наз. конструкция внутреннего объекта).

Выступая в качестве сказуемого в соединении с глаголом *tur-* имеет значение долженствования.

Один из признаков рассматриваемой формы — это ее способность соединения с аффиксами принадлежности только в памятниках тюркской письменности. Такого рода соединения невозможны, например, в современном турецком языке. Кроме того, в турецком языке невозможны употребление в родительном падеже и во множественном числе.

Соединение излагаемой формы с аффиксом принадлежности 3 лица позволяет рассматривать такого рода соединения как часть изафетных конструкций. В дальнейшем, соединения с аффиксами принадлежности могут также склоняться.

Из аффиксов словообразования можно указать на *-lïq* и *-cï*.

Аффикс *-lïq* способствует большему примыканию рассматриваемой формы к имени, а в турецком посредством аффикса восстанавливаются номинальные признаки.

Аффикс *-cï* придает значение намерения совершения действия.

Форма на *-tak* может принимать непосредственно падежные окончания. В дательном падеже сказывается значение цели и в этом падеже рассматриваемая форма сближается к латинскому супину. В местном падеже приобретает значение более длительного продолжения действия.

Соединяясь с послелогом, конструкция имеет значение в зависимости от семантики послелога.

То же можно сказать о случаях зависимости от отдельных слов, означающих желание, необходимость, долженствование и пр. Тогда изучаемая форма приближается к инфинитиву.

Форма на *-tak* распространена как в огузской, так и в кыпчакской группах. В связи с этим надо отметить, что в огузской группе эта форма ближе к глагольной семантике, а в кыпчакской (*Кодекс Куманикус*) ближе к именной.

Форма на *-ta*

Подобно тому как в огузской группе форма на *-tak* может считаться инфинитивом, так в кыпчакской — эту роль для некоторых языков исполняет форма на *-ta*.

Форма эта, выступая в значении цели, часто может рассматриваться как латинский супин.

Исследуемая форма может принимать падежные окончания, среди которых дательный падеж указывает на значение цели, что является одним из показателей примыкания к семантике глагольных форм, а в связи с этим и к инфинитиву.

Может она выступать в семантической зависимости от слов, означающих желание, долженствование и пр., принимая значение согласованное с семантикой этих слов.

Кроме *Кодекс Куманикус* рассматриваемая форма известна также в ряде языков кыпчакской группы. Здесь сказывается иногда влияние других языков, в том числе преимущественно славянских.

Выступая в функции определения, форма эта может перейти к категории имени, подвергаясь субстантивизации (преимущественно в огузской группе, где может также принимать аффиксы принадлежности).

Отрицательная форма в некоторых кыпчакских языках (напр. в караимском) образуется посредством отрицательной формы причастия аориста в дательном падеже.

В общем форма на *-ta* в огузской группе более номинального характера, тогда как в кыпчакской можно ее рассматривать как самую близкую к категории инфинитива (в первую очередь в караимском, армянско-кыпчакском и др.).

Форма на *-mĩš*

Эту форму можно рассматривать в трех планах, а именно как причастие, имя действия и *verbum finitum*.

Рассматриваемая форма в первую очередь является причастной, но в памятниках, преимущественно уйгурской письменности, она выступает как *и м я д е й - с т в и я*, что в нашем случае имеет особое значение.

Форма эта может принимать аффиксы принадлежности, падежные окончания и соединяется с самостоятельными словами.

Значение имени действия приобретает в первую очередь благодаря возможности принятия аффиксов принадлежности и частично склонения. Рассматриваемая форма чаще всего принимает аффикс принадлежности 3 лица ед. ч. и в винительном падеже встречается в заглавии разделов литературных памятников. Принимая непосредственно окончания падежей, в случае дательного падежа, благодаря значению цели, приближает рассматриваемую форму к глагольной семантике и *к и н ф и н и т и в у*.

В семантической связи со словами означающими долженствование усиливается примыкание к категории инфинитива.

Отрицательное значение рассматриваемой формы образуется посредством частицы отрицания, характерной также для других глагольных форм.

Форма на *-(i)r*

Другая форма, которую также можно рассматривать как причастие, имя действия и *verbum finitum*, это форма на *-(i)r*. Аффикс этот является аффиксом настоящего будущего времени или иначе аориста.

Форма эта известна в самостоятельном виде без дальших морфемов, а также имеет способность соединяться с падежными окончаниями и аффиксами принадлежности.

Самое важное для нас — это употребление с окончанием дательного падежа. В этих случаях проявляется значение цели, что приближает ее к *к и н ф и н и т и в у*.

Форма на *-(i)r* в дательном падеже нашла частое употребление в живых языках, а среди них в татарском, башкирском и др. Здесь проявляется значение цели. Это опять-таки позволяет считать рассматриваемую конструкцию как форму *и н ф и н и т и в а* в этих языках.

Указанная инструкция может вступить в семантическую связь со словами означающими "начинать, хотеть и пр.". Значение долженствования сказуется в сочетании со словом *kerek*.

С падежными окончаниями, кроме дательного, рассматриваемая форма приобретает различные значения. Итак, например, в местном падеже сказывается временное значение и выступает в функции обстоятельства времени.

Принимая аффикс принадлежности 3 лица, может дальше вступать в связь с послелогом *ĩĩĩn* и приобретает в таких случаях целевое значение, что способствует его близости к инфинитивной форме.

Необходимо добавить, что большое значение для характеристики этой формы представляет возможность ее употребления в значении имени действия.

Форма на *-γan*

Эта форма, как и две последние, может рассматриваться как причастие, имя действия и *verbum finitum*.

Как имя действия названная форма соединяется с аффиксами принадлежности, чаще всего 3 лица ед. ч. Иногда она выступает в заглавиях разделов литературных памятников (например *Хусрев у Ширин Кутба*).

В семантической зависимости от слов означающих необходимость и т.п. обнаруживается долженствовательное значение и в таких случаях интересующая нас форма примыкает к **и н ф и н и т и в у**.

Форма на *-γan* принимает падежные окончания, а в местном падеже сказывается временное значение, функционируя в качестве развернутого обстоятельства времени. Временное значение получает также в исходном падеже с послелогом *soŋra*.

Форма на *— γan* употребляется в ряде тюркских языков, по меньшей мере, однако, в огузской группе, где она ограничена в распространении.

Форма на *-(i)γ* и *-nč*

Обе названные формы являются отглагольными именами, выступающими в проанализированных нами памятниках раннего периода.

Формы эти имеют значение имени действия и могут принимать аффиксы и падежные окончания. К их числу можно отнести аффиксы принадлежности (в первую очередь 3 лица ед.ч.), словообразовательный аффикс *-čī* и падежные окончания. Во многих случаях излагаемые аффиксы примыкают теснее к именной, чем к глагольной семантике.

Засвидетельствована в уйгурских литературных памятниках форма на *-(i)γ* нашла свое отражение в форме на *-(u)v*, характерной прежде всего для живых представителей кыпчакской языковой группы.

Форма на *-(u)v*

Известная уже в языковом памятнике кыпчакско-половецкой группы *Кодекс Куманикус*, рассматриваемая форма более всего употребительна в живых языках.

Интересующая нас форма выступает прежде всего как **и н ф и н и т и в**.

Она может принимать аффиксы и падежные окончания, а также вступать в связь с послелогам и отдельными словами.

Так например, в дательном падеже отражается весьма естественная для наших замечаний семантика цели, связывающая еще крепче с инфинитивом. Употребление в местном падеже образует настоящее время данного момента (в каракалпакском).

В связи с послелогом *ičün* проявляется значение целевое, а в зависимости от семантического единства со словом *kerek* — долженствовательное.

Форма на *-asī*

Эта форма засвидетельствована преимущественно в памятниках староосманской письменности.

По своей структуре — это отглагольное имя, имеющее также значение имени действия, относящегося к будущему времени.

Как имя действия форма на *-asī* приобретает значение долженствовательное или потенциальное отнесенное в будущее и таким образом может связываться с *и н ф и н и т и в о м*, оставаясь однако ближе причастной формы будущего времени.

Форма на *-(i)š*

Представляемая форма является отглагольным именем с преобладающими чертами именной семантики в ранних памятниках письменности. Здесь она приобретает часто значение результата действия.

Форма эта может соединяться с аффиксами принадлежности и падежными окончаниями. В дательном падеже отражается важное для наших наблюдений значение цели, а в местном временное.

В современных языках форма на *-(i)š* приобретает оттенок значения образа действия (турецкий), а в случае целевого и долженствовательного значений приближается к *и н ф и н и т и в у*.

Форма на *-diq*

В качестве последней из рассматриваемых форм можно привести форму на *-diq*. Она интересует нас прежде всего как имя действия. В этом значении засвидетельствована уже в памятниках древнетюркской письменности. Среди живых языков она характерна преимущественно для современного турецкого языка.

Выступая с послелогом *ıñın* в некоторой степени приближается к *и н ф и н и т и в у*. Однако, только этот довольно ограниченный случай вряд ли дает основание безоговорочно называть эту форму инфинитивом тюркских языков, а в их числе современного турецкого языка, как это делается некоторыми авторами.

*

Представленные выше формы ярко доказывают, что в тюркских языках нету одного, строго выработанного формального морфологического показателя инфинитива. Названным формам свойственны как именныи, так и глагольные признаки. В семантическом плане для них характерно название действия в его отвлеченном смысле.

В приближении к инфинитиву весьма существенной является общая для всех форм семантика цели и долженствования.

Формы на *-tak* и *-ta* в огузской и кыпчакской группах выступают на противоположных позициях. Форма на *-tak* в огузской группе выступает как очень близкая к инфинитиву (в турецком) и в таком же положении находится форма на *-ta* в языках кыпчакской группы. С другой стороны, форма на *-ta* в огузских более национальная и в аналогичном положении находится форма на *-tak* в кыпчакской группе.

Сравнивая памятники письменности с живыми языками, приходится отметить большее стремление к выработке форм близких к инфинитиву в живых языках. Это вызвано, как нам кажется, в известной мере влиянием языков других типов,

прежде всего славянских. Детальное изучение этого вопроса должно быть проведено в сравнительном освещении и может быть предметом особого исследования.

Обозначение условных знаков в приложениях 1 и 2

- + значит, что данный аффикс более всего близкий к инфинитиву.
- 0 значит, что данный аффикс в меньшей степени близкий к инфинитиву, чем аффиксы обозначены знаком +.
- значит, что данный аффикс не засвидетельствован в качестве инфинитива.

Приложение 1

Аффиксы в памятниках письменности

Памятники	Аффиксы								
	-γu	-mak	-ma	-miš	-(i)r	-γan	-(i)γ	-(i)š	-asī
Орхонские	0	0	—	—	—	—	—	—	—
Уйгурские	+	+	—	0	—	—	0	0	—
Караханидские	+	+	—	—	0	0	0	—	—
Хорезмийские	+	+	—	0	0	0	—	—	—
Кыпчакские	—	0	+	—	—	0	—	0	—
Староосманские	—	+	—	—	—	—	—	—	+

Приложение 2

Аффиксы в живых языках

Классификацион- ная группа	Языки	Аффиксы				
		-mak	-ma	-r + dat.	-(u)v	-i(s)
Огузская	азербейджанский	+	—	—	—	0
	турецкий	+	—	—	—	0
	туркменский	+	—	—	—	0
	гагаузский	—	+	—	—	—
Кыпчакская	башкирский	—	—	+	+	—
	татарский	—	—	+	+	—
	балкарский	—	0	—	—	—
	караимский	—	+	—	—	—
	каракалпакский	0	—	—	+	—
	ногайский	—	0	—	+	—
	кумыкский	—	0	—	—	—
	казахский	—	—	—	+	—
Киргизско- -кыпчакская	киргизский	0	—	—	+	—
Карлукско- хорезмийская	уйгурский	+	—	—	—	0
	узбекский	+	—	—	—	0
Уйгурская	хакасский	—	—	+	—	—